

Леонид Спивак

**Меж двух
берегов**

Леонид Спивак

Меж двух берегов

БОСТОН • 2014 • BOSTON

Леонид Спивак. *Меж двух берегов*

Leon Spivak. *Mezh dvukh beregov*

(Between Two Shores)

Copyright © 2014 by Leon Spivak

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220-15-4

Library of Congress Control Number: 2014914375

Published by M•GRAPHICS, BOSTON, MA

🌐 www.mgraphics-publishing.com

✉ info@mgraphics-publishing.com

mgraphics.books@gmail.com

☎ (781) 990-8778

Дизайн обложки: П. Крайтман © 2014

Фотографии и иллюстрации в тексте: Wikimedia.org

Фото автора на обложке: В. Машатин © 2012

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator™** (www.batov.ru)

Отпечатано в США

*Автор выражает благодарность
всем своим друзьям, оказавшим поддержку
в создании книги.*

*Особая благодарность Елене Катишонок,
Ларисе Левич, Светлане Рябичевой,
Марии и Михаилу Герштейнам
за ценные поправки и критические замечания.*

СОДЕРЖАНИЕ

Америка была ошибкой...	11
Арканзасский мираж	15
Инструкция царя Петра	25
О пользе анекдота.	33
Лондонский счет.	39
Неудавшийся роман в письмах	49
Встреча с Иваном Алексеевичем	57
Франсиско Первый	65
Бордель и Моцарт	75
Цепи Гименея	83
На свете нравственным загадка.	93
Пророчество Тенскватавы	103
Русская Колумбия	109
Золото дураков.	125
В тридесятом царстве.	135
В поисках Санкт-Петербурга	145
Афинская гроза	151
«Самый человечный человек».	159
«Индианка».	169
Повесьте еврея!	179
Пощечины Гуверу	189
Рукописи и сюжеты	203

Светлой памяти моей мамы

Хроника XVIII столетия

- 1763** — Парижский (Версальский) мирный договор завершил Семилетнюю войну между крупнейшими европейскими державами. В Северной Америке Великобритания добавила к своим колониям французскую Канаду и испанскую Флориду.
- 1765** — Британский парламент принял так называемый «Гербовый акт». Любая коммерческая операция в американских колониях отныне требовала покупки специальных марок, приносящих доход королевской казне. Новый налог вызвал бурные протесты в портовых городах Америки и бойкот английских товаров.
- 1770** — в центре Бостона мятежная толпа забросала английских солдат камнями, вызвав ответные выстрелы. Пятеро горожан было убито, одиннадцать ранено, что привело к усилению антибританских настроений в колониях.
- 1773** — бостонцы, протестуя против английской налоговой политики, выбросили с трех британских торговых кораблей груз чая. «Бостонское чаепитие» считается прологом Американской революции.

О ПОЛЬЗЕ АНЕКДОТА

*То слово из Прошлого ветер ночной
Разносит над нашей большою страной...*

Г. У. Лонгфелло

Современное значение анекдота как забавной истории несколько искажено временем. В своей первоначальной сути анекдот предполагал некий апокриф из жизни известного лица или фольклорного героя (у Пушкина «Дней минувших анекдоты/От Ромула до наших дней»).

Исторический миф — своего рода драгоценная пряность, добавленная в хронологическую закуску. Без этой приправы анализы, летописи и регесты выглядят бескровными. В Стратфорде-на-Эйвоне, родном городе Шекспира, сохраняется отчий дом пастора Джона Гарварда, соседа великого драматурга и его младшего современника, имя которого навсегда связано с Америкой. При этом бронзовый монумент пастору в Гарвардском университете прозвали «Памятником трех неправд». На постаменте выбиты слова: «Джон Гарвард, основатель, 1638». Но земляк Шекспира, скончавшийся от туберкулеза вскоре после переезда в Массачусетс, не был основателем старейшего университета Америки. Он завещал «Новому колледжу» большую сумму денег и личную библиотеку, за что и был увековечен в названии учебного заведения. На постаменте выбита дата переименования колледжа, который был основан двумя годами ранее. Наконец, никто не знал, как выглядел преподобный Джон Гарвард, и через двести с

Памятник Джону Гарварду

лишним лет скульптор просто запечатлел одного из студентов — внука ректора университета.

Другой американский герой, «курьер революции» Пол Ревир, занимает в американском общественном сознании примерно такое же место, как Иван Сусанин в сознании русских. То, что произошло в деревне Деревеньки в 70 верстах от Костромы и в сонном Лексингтоне в окрестностях Бостона разделяют километры и столетия. Впрочем, это не мешает мифам питать национальную гордость.

Весной 1613 года некий подозрительный («ляхи с литвинами») отряд рыскал под Костромой в поисках спрятавшегося нового московского царя Михаила Федоровича Романова, чтобы не допустить его коронации. Дальнейшее развитие истории с крестьянином-проводником Иваном Сусаниным мы знаем, главным образом, по знаменитой опере Глинки.

Бостонский ремесленник Пол Ревир, узнав, что британцы готовятся на рассвете 19 апреля 1775 года атаковать американских повстанцев, промчался накануне ночью на коне через все заставы и успел предупредить о готовящемся нападении. Ранним утром ополченцы-янки встретили англичан во всеоружии. Знакомая сегодня каждому американскому школьнику поэма Лонгфелло открывается наказом:

*Запомните, дети, слышал весь мир,
Как в полночь глухую скакал Пол Ревир...*

Истории, случившиеся в старину в Московии и Массачусетсе, имеют определенную схожесть. Несмотря на сказочный антураж, Иван и Пол — реальные лица. Мордвин (или вепс) Сусанин в самом деле жил под вепсской Костромой в селе Домнино — или же в соседнем селе Деревеньки. Пол Аполло Ревир (*Revere*) также не принадлежал к «титольной» (англо-саксонской) нации, а был выходцем из французской гугенотской семьи Ревуаров.

В основе патриотической мифологии лежит глубокий социальный архетип. Простой русский крестьянин уберег будущую династию Романовых, отведя угрозу от их венценосного прародителя. Простолюдин Пол Ревир оказался первым в обширном пантеоне героев Войны за независимость США. Но, судя по старинным документам, Иван Сусанин был не просто лапотным мужиком, а вотчинным старостой в родовом имении матери

царя. А многодетный бостонец Ревир считался искусным и уважаемым литейщиком и мастером серебряных дел (его чайные сервизы представлены в экспозициях лучших американских художественных музеев).

В качестве бесспорных героев Отечества Сусанин и Ревир оказались неизменными персонажами учебников по истории, художественных произведений и фольклора. Канон оформился во второй трети XIX столетия. Опера М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836) зафиксировала окончательный вариант «вождения» Сусаниным поляков по болотам или (в другом варианте) костромским чащам. Американский классик Генри Лонгфелло создал «Скачку Пола Ревира» в 1861 году:

*Еще деревушка спокойно спит,
Но в лунном свете промчалась тень,
Да искру метнул дорожный кремь
У скачущей лошади из-под копыт,
И под подковой звенит тропа.
Сейчас народа решится судьба.
Та искра, что высек подковою конь,
Повсюду зажгла восстанья огонь.*

История Ивана Сусанина как-то особенно притягивала обрусевших иностранцев. Глинка работал с либретто остзейского немца барона Г. фон Розена. Итальянский композитор К. А. Кавос, долгие годы живший в России, создал собственное произведение на тот же героический сюжет. Обе оперы, не мешая друг другу, ставились на одной сцене петербургского Большого театра. Некоторые актеры исполняли одни и те же партии в разных постановках. Творение Кавоса «Иван Сусанин» (так в оригинале — Л. С.) имело подзаголовок «Анекдотическая опера». В ней Сусанин оставался жив — сюжет вполне смахивающий на голливудский.

Старинный исторический раздор русских с поляками и американцев с англичанами также имеет много схожего. И в том, и в другом случае «братья по крови» захватывали и жгли столицы — поляки хозяйничали в Кремле, а британцы спалили Белый дом с Капитолием. Поправка на время составляет ровно двести лет.

Профессор истории Петербургского университета Н. И. Костомаров еще в 1862 году язвительно назвал версию подвига Ивана Сусанина «анекдотом», который «сделался более или менее обще-

признанным фактом». Он писал: «Действительность, передаваемая в скудных известиях, украшается вымышленными подробностями; к событиям, на самом деле происходившим, прилагаются вымышленные, но тем не менее возможные в ходе жизни, и тогда историческая личность, сама по себе темная, светлеет и делается как будто бы типом стремлений известной эпохи, а в самом деле выражением того, что давней эпохе, хочет дать новое время».

Другой видный историк, С. М. Соловьев, не оспаривал гибель Сусанина, но считал, что его замучили «не поляки и не литовцы, а казаки или вообще свои разбойники», коих в Смутное время бродило по Руси немало. Он же после кропотливого изучения архивов доказал, что никаких регулярных войск интервентов в тот период поблизости от Костромы не было, а сам молодой царь с матерью находился в хорошо укрепленном Ипатьевском монастыре.

В советской России «Жизнь за царя» поначалу не исполнялась. Сусанина объявили прислужником романовского самодержавия, а память о нем подлежала искоренению. Впрочем, новой власти тоже понадобился патриот и герой. Поначалу пытались полностью изменить сюжет оперы Глинки и приспособить его к обстоятельствам времени. Музыковед Л. Л. Сабанеев писал: «Первая редакция была — перенесение времени действия в эпоху большевистской революции. В соответствии с этим Иван Сусанин обратился в «предсельсовета» — в передового крестьянина, стоящего за советскую родину. Ваня обращен был в комсомольца. Поляки остались на месте потому, что в это время как раз была война с Польшей, где выдвинулся Тухачевский». Знаменитый финальный гимн оперы был перефразирован: «Славься, славься, советский строй!»

Американцы избежали радикальной переоценки своих ценностей. Хотя дотошные историки раскопали, что Пол Ревир никак не мог завершить свой ночной рейд, ибо был задержан английским патрулем в таверне близ Конкорда. К тому же британцы конфисковали его мобильное средство связи — гнедую лошадь по кличке *Brown Beauty*, взятую напрокат у местного фермера. Настоящим героем следует считать совсем другого человека, Уильяма Доуса (*W. Dawes*), который таки смог добраться до Лексингтона и предупредить вождей американской революции. Но бостонский дубильщик Уильям Доус не попал в балладу Лонгфелло и в школьные хрестоматии.

Все сказанное, разумеется, не зачеркивает ни красивых легенд, ни художественных достоинств русской оперы или американской поэмы. Исторические мифы благополучно выжили и перебрались в динамичную эпоху электронных гаджетов. Примером тому — отполированный до блеска башмак бронзового Джона Гарварда, избранный успешными, но суеверными студентами в качестве талисмана.

Даже если бы не случилось апрельской полуночной скачки, Пол Ревир вполне мог бы претендовать на почетное место в истории США. Великий умелец был известен изготовлением штампов для первых официальных печатей штатов, бумажных денег, производством пороха. Ревир усовершенствовал методы отливки колоколов и пушек, арматуры для строившихся фрегатов. Открытый им новый способ прокатки листовой меди использовался при изготовлении котлов первых американских пароходов. Но до последнего дня жизни Ревир с гордостью носил униформу времен Войны за независимость.

В честь Пола Ревира назван один из окрестных городков к северу от Бостона, который славится своими пляжами (русские на свой лад прозвали песчаный берег Ривьерой). А памятник герою на бронзовом скакуне украшает старый Бостон неподалеку от его дома-музея в районе Норт Энд. Легенда о смерти Ивана Сусанина также живет самостоятельной жизнью. В Костроме ему поставили величественный монумент, так как прежний, царский, был разрушен в послереволюционные годы. В поселке Сусанино открыли музей легендарного старосты. Этот музей все неоднократно видели: он разместился в церкви, изображенной на картине А. К. Саврасова «Грачи прилетели».

Костромские туристические агентства уже не одно десятилетие организуют экстрим-туры по болотам Сусанинского района, куда завел интервентов крестьянин, обращая лежащую под ногами патристическую идею в неплохой бизнес. В пасторальных окрестностях Конкорда и Лексингтона гиды, одетые в исторические камзолы, охотно поведают о первых выстрелах американской революции, эхо которых, по словам философа Р. Эмерсона, «услышал весь мир». И в том, и в другом случае для абсолютного погружения в историческую эпоху просят выключать мобильные телефоны.

ХРОНИКА XIX СТОЛЕТИЯ

- 1801–1809** — президентство Томаса Джефферсона
- 1802** — создана Военная академия Вест-Пойнт.
- 1802** — нападение алеутов на российскую Михайловскую крепость на острове Ситка (Аляска). Крепость сожжена, гарнизон уничтожен.
- 1803** — штат Огайо вошел в состав США.
- 1803** — покупка Луизианы. В результате сделки с Францией территория США увеличилась почти в два раза за счет земель к западу от реки Миссисипи, на которых в дальнейшем образовались восемь новых штатов.
- 1804** — заложен город Новоархангельск, столица Русской Аляски (ныне город Ситка).
- 1806** — архангельский купец К. Анфилов отправил в США первых три русских торговых корабля.

БОРДЕЛЬ И МОЦАРТ

У самых знаменитых опер Моцарта имелся соавтор, поселившийся двести лет назад в захолустном американском городке Санбери и занимавшийся мелкой бакалейной торговлей. Ныне почти забытый Лоренцо Да Понте прожил восемь нескучных десятилетий. Он родился в то время, когда Америка еще была британской колонией, а «отцы-основатели» будущих Соединенных Штатов ходили в школу. Да Понте жил среди самых знаменитых людей своего времени, о чем поведал в обширных мемуарах. На склоне лет он основал первый в США оперный театр и был самым ярким пионером европейской культуры в Новом Свете.

Да Понте родился 10 марта 1749 года в семье еврейского дубильщика Конельяно на задворках Венеции. Мать Эмануэле, как звали мальчика, рано умерла, отец вскоре женился на католичке и вместе со всей семьей принял крещение. Старший из сыновей, четырнадцатилетний Эмануэле, по обычаям того времени, получил новое имя в честь местного епископа, некоего Лоренцо Да Понте. Епископ принял участие в судьбе крестника — помог развить его способности, посодействовал тому, чтобы Лоренцо учился в семинарии.

Юноша между тем оказался истинным сыном Венеции, этого всеевропейского города интриг и увеселений. Во времена Да Понте Венеция в последний раз пережила не только расцвет торговли и искусств, но и самый яркий «карнавал утех». Готовившийся стать священником, Лоренцо одновременно учился музыке, писал озорные стихи и не был чужд плотским развлечениям. Во многом он походил на своего старшего друга Казанову, с той лишь разницей, что у Да Понте не было ни богатства, ни титула.

В двадцать четыре года Лоренцо стал аббатом и профессором риторики в семинарии Тревизо. Впрочем, профессорская карьера оказалась короткой — сказался авантюристический склад его натуры. Да Понте зарабатывал не столько лекциями, сколь-

Лоренцо Да Понте

ко содержанием публичного дома для аристократов. Зачастую, одетый в красную аббатскую сутану, хозяин лично развлекал клиентов игрой на скрипке. Но увольнение падре из семинарии и возбуждение против него уголовного дела было вызвано отнюдь не фривольным образом жизни — Венеция видела и не такое. Весь город читал и разучивал ходившие в списках сатирические стихи Да Понте, направленные против власть имущих. Высокий суд приговорил

остроумца к изгнанию из пределов венецианской республики на пятнадцать лет — правда, в момент вынесения приговора Лоренцо уже был вдалеке от вод Адриатики.

В 1782 году Вена была взбудоражена визитом Папы Римского Пия VI, который хотел склонить императора Иосифа к отказу от церковных реформ. Около двухсот тысяч зрителей наблюдало за въездом понтифика в австрийскую столицу. Туфли Папы передавались из одного аристократического дома в другой, по старинному обычаю их целовали. В эти бурные дни осталось незамеченным событие, которому было суждено сыграть огромную роль в развитии оперного искусства. С рекомендательным письмом одного из венецианских драматургов беглый аббат предстал перед Антонио Сальери, капельмейстером Венской императорской оперы. Придворный композитор оценил способности Да Понте и, в частности, его редкий дар стихосложения. Венецианец был представлен австрийскому императору Иосифу II. Языки греческий, латынь, иврит, итальянский, блестящий ум и острое перо вкупе с рекомендацией Сальери доставили Лоренцо пост придворного поэта и либреттиста.

Невероятным образом бывший содержатель борделя, вдобавок не имевший никакого серьезного литературного опыта, оказался в центре культурной жизни Вены. Помимо природного обаяния и само время помогало Лоренцо. Именно в эти месяцы подходил к концу неудавшийся эксперимент с немецкой оперой,

и осенью 1782 года была вновь открыта итальянская опера во главе с маэстро Сальери. Согласно легенде, когда императору Иосифу сказали, что новый придворный либреттист никогда не писал оперные либретто, тот ответил: «Это неважно, у нас будет муза-девственница».

«Встреча Моцарта и Лоренцо Да Понте была для обоих ниспосланной свыше. Аббат искал музыканта, Вольфганг — поэта. Случилось так, что в этих обстоятельствах они отлично подошли друг другу. — писал биограф Моцарта Марсель Брион, — Очень редки примеры сотрудничества, в котором гений поэта был бы равен гению музыканта: Дебюсси и Метерлинк, Рихард Штраус и Гофмансталь...» Первым совместным творением Моцарта и Да Понте стала опера «Женитьба Фигаро». Именно Да Понте добился от императора разрешения на постановку «вольнодумной» оперы на венской сцене в 1786 году. Моцарт в то время был в немилости у матери-императрицы Марии-Терезии и его обязанности при дворе ограничивались сочинением танцев для маскарадов. «Женитьба Фигаро» имела столь большой успех в столице, что Иосиф II даже распорядился ограничить число вызовов на бис.

Специалисты утверждают, что в сотрудничестве с Да Понте Моцарт создал оперы, относящиеся к величайшим образцам своего жанра. Это был тот редкий случай, когда качество либретто приближалось к уровню музыки Моцарта. В строках венецианца оживал «галантный» XVIII век, его поэзия отличалась не выспренностью, не меланхолией, не безликой торжественностью, которая была тогда в моде, а жизненностью, лукавством, образностью языка ее интеллектуального и саркастичного создателя.

Следующей плодотворной работой великого Амадеуса и аббата-расстриги стал «Дон Жуан», поставленный в Праге в 1787 году. Да Понте рассказал в своих «Мемуарах», как создавалось знаменитое либретто. Вольфганг и Лоренцо поселились на одной улочке в Праге и окна их квартир смотрели друг на друга. В течение всей феноменально быстрой работы — всего несколько недель — композитор и поэт обменивались идеями через окно. Да Понте усаживался за рукопись ранним утром с бутылкой токийского вина. Если силы покидали поэта, то по его заказу являлась прелестная девушка с чашкой горячего шоколада. Лоренцо утверждал, что для того, чтобы закончить работу над очередным литературным произведением, ему непременно нужно иметь

Fig^o Venturino Stella
 New York 29. Marzo 1932

Per l'ultima volta di Francia che arrivò qui il 20 o 21 del mese corrente venne la prima
 settimana il 20 di Nov^o e non posso sperare la causa per la quale tanto tempo
 dopo nella prima lettera che esprimevami i miei desideri e altri pagamenti fatti dal
 Sig^o Callaman, che dove aver ricevuto ordine già da gran tempo di pagare una volta tutto
 che restava e l'altra 24, per tanti da me postati al Sig^o Farby. Se non mi
 viene scritto prima che in certi giorni lavorerò instancabilmente per ogni parte, mandando
 mi un conto esatto del bilancio dovuto, e pagato immediatamente, ma fatto che sia tutto
 in solonali, e non in soldi vostri tanto che restanti lire Saloni eredito delle memo-
 rie; perché se il Sig^o Callaman non ha ancora spedito il 50 volume gli ordinerò di pa-
 rivello subito, con due volumi per fare, in loco di due impagati, anche il 4to ed ultimo
 volume pagato, e speso che interesserà. Conserva la nota di fuori e la restituisce. Questo alla
 professione ordinatai sempre in alcuni altri libri il mio ordine, acciò poi che potesse
 mandarmi, ma subito o niente. Bavetti 2. vol. Cop. 2
 - Brasilia 2 v. Cop. 2
 + Plindomoe Giovanni Trai 4. vol. 8.
 60

Mandatemi
 + le metamorfosi dall' - J. Jaso il Rinco 2. Cop. 2
 anquilla 3 v. - Lucrazio da Marchese D. do' A. 6. 50
 + 4 libri corinzi - Lucrazio da Belloni in 800
 - e 7 libri da - Giulio Michel
 Dante can. de Classici 2. vol. 800 16. 50
 - Carlo o'ceve
 - 2 volumi della M. d'america 40
 - 2 volumi della M. d'america 40
 - 2 volumi della M. d'america 40
 + mi e l'essere di S. Pietro il libro ed. Cop. 4

Ho trovato il volume
 di 100 pagine e in 10
 pagine e in 10
 pagine e in 10
 pagine e in 10
 pagine e in 10

Ho trovato le mie carte un manufatto da voi inviatami gran tempo fa, ma mi pare
 appartenere il lavoro della pubblicazione di tutte le opere di Mozart, e un mio amico che
 comparo le opere, sarebbe stato fiero d'aver il manufatto, se fosse possibile. Bisognate mi
 vederle più volte, o ve ne voglio dare una copia per sempre.

30 Le cose avvenute per corrispondente in mezzo non dimenticate mai o due cose. E son queste.
 Che io mi univo, e quello di poterlo far giustamente, l'essere stato, l'essere ancora uno
 de' miei operari almeno dove levava, di ciò il mio amore, e l'essere l'ultima opinione e che con
 le corrispondenti il vostro lavoro è come si può fare in una botte di ferro; e ch'è stato il
 separato da un'impresa grande di terra, o di mare, ragione l'alto de' viaggi che non di
 rondon da noi, o che restano con ogni cosa la nostra pazienza. Mi fateste dunque un più
 certo intanto se vi fosse un'opera nella opportunità, e prontezza, e giacché per
 quella che pare il vostro manufatto, pagatami con tanta grazia mi danno tutto
 l'ho fatto di timore, che di bisogno. Vi prego conservate la mia opera nelle professioni,
 e procurate che i volumi vostri non siano mai, ed ogni
 di ho già detto che per la sua compagnia dello mio lavoro. Vi mando un volume
 tutto di pagine che sempre per la sua impagata, e a me dovetele tutte. Ho scritto
 più il dove e la bellezza che la bellezza mano. Forse faranno al Manini che la
 conobbe molto quella lagrima. Fugue il Sig^o Callaman de' padroni e come una per
 voi, uno per tutti, uno per Manini, e l'altra per Sig^o Venturino, il cui giudizio non
 mi sfuggirà. Vi prego sempre, e soprattutto da parte vostra tutto.

Рукопись Да Понте в Библиотеке Конгресса США

под рукой молодую любовницу. В своих мемуарах он утверждает, что в либретто для бессмертных опер Моцарта вложено немало его телесных сил.

Если в сюжете «Дон Жуана» многие видят историю Джакомо Казановы, с которым Лоренцо общался в Праге, то третье либретто для Моцарта иногда называют автобиографией венецианца. Плут и жуир, остро слов и вольнодумец Да Понте создал в комической опере «Cosi fan tutte» («Так поступают все») яркий портрет «галантной эпохи».

В 1791 году Моцарт умер, а дерзкий Да Понте впал в немилость у нового императора Леопольда II и вскоре получил отставку. Он был автором в общей сложности тридцати шести пьес и сотен сонетов, но остался в памяти как соавтор непревзойденного «моцартовского триптиха» — «Женитьбы Фигаро», «Дон Жуана» и «Так поступают все или Школа влюбленных».

Лоренцо Да Понте некоторое время жил в Лондоне, где пытался сотрудничать с несколькими театрами. Дела шли из рук вон плохо. И тогда венецианец совершил очередной кульбит: в 1805 году он поднялся на борт парусника «Коламбия», отправлявшегося в Америку. Его тощий багаж состоял из скрипки и чемодана с книгами.

В Соединенных Штатах Да Понте прожил больше чем где-либо, тридцать три года. На своей новой родине он занимался не менее активной антрепренерской деятельностью, но был далек от прежнего успеха. Одно время друг Сальери и Казановы давал частные уроки итальянского, держал бакалейную лавку в Нью-Джерси и пытался продавать лекарства в Пенсильвании.

На закате дней «Лоренцо Великолепный» издал в Нью-Йорке мемуары в трех томах, в которых есть признание: «Моя жизнь удалась в жанре трагикомедии». Отец пяти детей, бывший придворный поэт блистательной Вены расфасовывал в убогой лавке чай и табак и развозил в стареньком фургоне заказы по домам.

Мемуары Да Понте были переведены на английский только спустя сто лет после смерти автора. Усмешка Лоренцо проглядывает среди многих пассажей книги. Америка в то время не могла оценить его таланты, а итальянский язык был здесь «столь же известен, сколь турецкий или китайский». Но Да Понте описывает жизнь крошечного городка Санбери, затерявшегося в пенсильванской глубинке, с не меньшей симпатией, чем быт и нравы Венеции, Вены или Праги.

Будучи блестящим гуманитарием, он оказался весьма посредственным бизнесменом. Одно время, отчаявшись получить плату со своих клиентов, бывший либреттист стал брать по обмену от фермеров-должников натуральные продукты. Как пишет Лоренцо, вскоре его дом в Санбери оказался доверху полон шкурами, медом, сухофруктами, зерном и другими дарами Пенсильвании.

Его американская биография была в чем-то схожа с судьбой многих иммигрантов. Но Да Понте не затерялся в «плавыльном

Старый дом в Санбери

котле»; он оказался одним из первых ярких представителей европейской культуры в Новом Свете. На склоне лет венецианец вновь обратился к преподаванию — в 1830 году семидесятилетний Лоренцо Да Понте стал первым профессором итальянского языка и литературы Колумбийского университета. Его по праву считают одним из основателей классического филологического образования в США.

За свою работу профессор не получал жалованья — преподавание «современных языков» не

входило в обязательную программу университета. Он продолжал зарабатывать на жизнь частными уроками (насчитали около двух тысяч его учеников) и продажей европейских книг. Да Понте с горькой иронией писал, что посетители в его книжную лавку зачастую попадают по ошибке, не в поисках Данте или Петрарки, а в надежде купить неаполитанское печенье. Тем не менее сотни импортированных профессором томов составили начало итальянской коллекции Нью-Йоркской публичной библиотеки и библиотеки Колумбийского университета. Там же в Нью-Йорке он создал книгу великолепных сонетов и солидный двухтомный труд «Флоренция времен Медичи».

Сохранился портрет Да Понте американского периода: из рамы глядит почтенный старец, по прежнему полный жизненной энергии. Создатель картины оказался под стать портретируемому — Сэмюэль Морзе, впоследствии забросивший кисть художника, чтобы стать всемирно известным создателем телеграфа. Фортуна в те времена была особенно изобретательна.

Последним в бесконечной череде предприятий американского гражданина Да Понте стала организация и строительство в Нью-Йорке оперного театра, первого в истории США. В

1833 году театр открылся постановкой «Севильского цирюльника» с приглашенными итальянскими исполнителями, но на нью-йоркскую публику скорее произвел впечатление интерьерами с обнаженными античными богинями и новомодным газовым освещением. В заранее купленной ложе на каждом представлении появлялся некий граф де Сюрвилле — не кто иной как эмигрировавший в США брат французского императора Жозеф Бонапарт.

Да Понте уже мечтал о возвращении к карьере театрального поэта и импресарио. Но его последнее детище — оперный театр — выдержал всего двадцать восемь представлений, став для итальянца полным фиаско (само здание оперы сгорело спустя несколько лет).

Лоренцо Да Понте умер 17 августа 1838 года в унижительной бедности, в нескольких кварталах от заколоченного здания своего театра. Его не обозначенная могила на одном из нью-йоркских кладбищ со временем затерялась. Такая же посмертная история когда-то случилась и с его другом Моцартом.

ЛЕОНИД СПИВАК, выпускник Нью-Йоркского университета, родом из Санкт-Петербурга. С 1993 года живет в Бостоне. Автор многочисленных статей о русско-американских культурных связях XVIII–XX столетий. Его документальные повести «Истории города Бостона», «Иуда» и «Одиночество дипломата» посвящены малоизученным страницам американской истории.

Новая книга Леонида Спивака «Меж двух берегов» рассказывает о судьбах европейцев и выходцев из России, волею судьбы оставивших яркий и необычный след на берегах Нового Света.

ISBN 978-1-940220-15-4

9 781940 220154

M-GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com